

ДЖЕЙ ЭШЕР

ДЖЕЙ ЭШЕР
ВОЛШЕБНЫЙ
СВЕТ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э98

Jay Asher
WHAT LIGHT

Печатается с разрешения издательства Razorbill,
an imprint of Penguin Young Readers Group,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Эшер, Джей.
Э98 Волшебный свет / Джей Эшер ; [пер. с англ.
Ю. Змеевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 288 с. — (Настоящая сенсация!)

ISBN 978-5-17-099637-7

У Сьерры целых две жизни. Одна в Орегоне, где ее семья выращивает рождественские ели. А вторая — в Калифорнии, куда они уезжают каждый год накануне праздников, ведь там находится главный елочный базар. А еще у нее есть прекрасные подруги и интерес ко всему, что происходит вокруг.

У Калеба одна жизнь. И ее не назовешь простой. Несколько лет назад он совершил огромную ошибку, за которую до сих пор расплачивается. Сьерра и Калеб очень разные, но их встреча происходит в самое волшебное время года, когда сердца полны надежд, а чудеса реальны.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © by Jay Asher, 2016
All rights reserved including the
right of reproduction in whole or
in part in any form.

© Ю. Змеева, перевод на русский
язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-099637-7

Кому:

*Джоан Мари Эшер,
Исайе Эшеру и Кристе Дезир,
трем волхвам, дары приносящим,
из сказания о Рождестве;
Деннису и Джони Хопперам
и их сыновьям Расселу и Райану,
за вдохновение*

От кого:

От благодарного мальчишки

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— **Н**енавижу это время года, — говорит Рэйчел. — Прости, Сьерра. Понимаю, что тебе уже надоело об этом от меня слышать, но факт остается фактом.

Фасад школьного здания на дальнем конце лужайки окутан утренним туманом. Чтобы не ступать по мокрой траве, мы не сходим с бетонной дорожки, но Рэйчел жалуется не на погоду.

— Не надо, прошу, — отвечаю я. — А то я снова разрыдаюсь. Мне бы только протянуть эту неделю без...

— Но это даже не неделя! — восклицает она. — А два дня! Два дня до Дня Благодарения, и вот ты снова уезжаешь на месяц. Даже больше, чем на месяц!

Не замедляя шага, я обнимаю ее за плечи. Хотя уезжать и проводить каникулы вдали от дома приходится мне, а не ей, ведет она себя так, будто при этом не мой, а ее мир переворачивается с ног на голову. Ее хмурое лицо, скорбно опущенные плечи — все это ради меня. Чтобы знала: по мне будут скучать.

И каждый год я благодарна ей за это представление. И, хотя мне нравится место, куда мы уезжаем на каникулы, прощаться всегда нелегко. Знать, что мои лучшие друзья считают дни до моего возвращения, заметно облегчает расставание.

Я показываю на слезинку в уголке глаза.

— Видишь, что ты натворила? Я снова реву.

Утром, когда мама везла нас в школу из питомника рождественских елей, небо было почти ясным. В питомнике трудились рабочие, спиливали выросшие за год деревья; далекий визг их бензопил звучал, как комариный писк.

Туман обступил нас, когда мы спустились в низину. Он тянулся до самого города вдоль маленьких ферм и шоссе, соединяющего два соседних штата, и приносил с собой традиционный запах праздника. В это время года весь наш маленький городок в Орегоне пахнет свежеспиленными рождественскими елками. В другое время его пропитывают запахи сладкой кукурузы и сахарной свеклы.

Рэйчел придерживает створку двойной стеклянной двери и провожает меня до шкафчика. И сует мне под нос свои красные часики с блестками.

— У нас еще пятнадцать минут, — говорит она. — Я замерзла и вся заоченела. Выпьем кофе, пока звонок не прозвенел?

Директор школьного театра мисс Ливингстон без обиняков рекомендует ученикам пить как можно больше кофе, чтобы мозги работали и тексты лучше запоминались. За кулисами всегда стоит полный горячий кофейник. Рэйчел — главный художник по декорациям; ей

в любое время дня и ночи открыт доступ в актовый зал.

В выходные состоялся последний показ школьного мюзикла — ставили «*Лавку ужа-сов*»*. Декорации начнут убирать лишь после каникул, и включив свет, мы с Рэйчел сразу видим их. А еще Элизабет — та сидит на сцене между прилавком цветочного магазина и громадным растением-людоедом. Увидев нас, она выпрямляется и машет нам рукой.

Опережая меня, Рэйчел шагает к сцене.

— В этом году мы решили подарить тебе кое-что. Возьмешь с собой в Калифорнию.

Я следую за ней мимо рядов пустых мягких красных кресел. Они, верно, хотят, чтобы в последние дни я все время ходила в слезах. Поднимаюсь по ступенькам на сцену. Элизабет поднимается, бежит ко мне и обнимает.

— Я была права, — шепчет она Рэйчел по верх моего плеча. — Говорила же — заплачет.

— Ненавижу вас обеих, — бормочу я.

Элизабет вручает мне два подарка в блестящей серебристой рождественской бумаге, и, кажется, я знаю, что внутри. На той неделе мы заходили в сувенирную лавку в центре, и я видела, как они разглядывали фоторамки, по размеру весьма подходящие к таким коробкам. Присаживаюсь, чтобы развернуть подарки, и облакачиваюсь о прилавок, где стоит старинный металлический кассовый аппарат.

* Мюзикл по «черной» комедии Роджера Кормана 1960 года. По сюжету, сотрудник цветочного магазина находит необычное растение, которое затем оказывается пришельцем из космоса, поедающим людей. *Здесь и далее прим. переводчика.*

Рэйчел садится по-турецки напротив, и наши колени почти соприкасаются.

— Это против правил, — замечаю я, поддевая пальцем сгиб оберточной бумаги на первой коробке. — Подарки дарим лишь после моего возвращения.

— А мы хотели, чтобы у тебя осталось что-то, что будет напоминать о нас каждый день, — отвечает Элизабет.

— Нам даже стыдно, что мы раньше до этого не додумались. В самый первый раз, когда ты уехала. Еще когда ты уехала впервые, — добавляет Рэйчел.

— То есть когда мы еще были совсем малышками?

В мое первое Рождество мама осталась со мной в питомнике, а отец отправился в Калифорнию, где у нас был свой елочный базар. На следующий год мама снова хотела остаться, но папа ни в какую не желал разлучаться с нами. Лучше уж потерять выручку в этом году, сказал он, и довольствоваться тем, что мы получим от оптовиков. Маме стало жаль тех людей, которые привыкли покупать у нас елки каждый год, ведь для них это было рождественской традицией. И хотя продажа елок была для нас бизнесом — этим занимался еще мой дед, — мама с папой особенно трепетно относились к ежегодным поездкам в Калифорнию. Ведь они и познакомились-то потому, что мамыны родители каждый год покупали елку на дедушкином базаре. Так что каждый год со Дня Благодарения до Рождества я живу в Калифорнии.

Рэйчел откидывается назад, опираясь на ладони.

— Твои родители уже решили, что это последняя поездка в Калифорнию?

Я ковыряю клейкую ленту на сгибе.

— Подарок в магазине упаковали?

Обращаясь к Элизабет, Рэйчел шепчет нарочито громко, чтобы я тоже слышала:

— Она пытается сменить тему.

— Извините, — говорю я. — Просто не хочется думать, что этот раз может оказаться последним. Я вас очень люблю, но как мне будет не хватать этих поездок! Правда, я знаю лишь то, что удалось подслушать — родители до сих пор мне ни слова не сказали. Но они очень переживают из-за денег. Не хочу ни о чем думать, пока они не решат.

Если бы нам удалось продержаться еще три сезона, наш елочный базар отметил бы тридцатилетний юбилей. Когда мои бабушка с дедушкой его купили, в их маленьком городке в Калифорнии совсем не было инфраструктуры. Города в Орегоне находились гораздо ближе к питомнику, но елочных базаров там уже было пруд пруди — возможно, даже слишком много. Теперь же елки можно купить хоть в супермаркете, хоть в хозяйственном магазине. Да и благотворительные елочные базары никто не отменял. Семейные предприятия вроде нашего встречаются все реже. Если мы потеряем базар, нам останется лишь поставлять деревья тем же супермаркетам и благотворителям, или снабжать других продавцов.

Элизабет опустила руку мне на колено.

— С одной стороны, мне хочется, чтобы ты и в следующем году поехала в Калифорнию, ведь я знаю, как тебе там нравится. Но если ты

останешься здесь, мы сможем впервые вместе отпраздновать Рождество.

При мысли об этом я улыбнулась. Я люблю своих подруг, но ведь Хизер тоже моя лучшая подруга, а с ней мы видимся всего раз в год и всего месяц, пока я в Калифорнии.

— Мы так давно туда ездим, — отвечаю я. — Не представляю, каково это... вдруг взять и не поехать.

— Я тебе скажу, — оживляется Рэйчел. — Представь: выпускной класс. Мы катаемся на лыжах. Нежимся в горячем джакузи. А вокруг снег!

Но я люблю и наш бесснежный калифорнийский городок на побережье в трех часах езды от Сан-Франциско. А еще люблю продавать елки и каждый год видеть те же лица и те же семьи. Выращивать деревья лишь для того, чтобы их продавали другие — неправильно это.

— Представь, как будет весело! — говорит Рэйчел и, подняв брови, наклоняется ближе. — А теперь представь, что там будут еще и мальчики.

Я прыскаю со смеху и закрываю рот.

— Или нет, — говорит Элизабет, отталкивая Рэйчел. — Мне больше по душе идея девичника. Только мы и никаких парней.

— У меня так каждое Рождество и бывает, — отвечаю я. — Помните прошлый год? Как я осталась без парня вечером накануне отъезда?

— Да, это было ужасно, — кивает Элизабет, но не сдерживается и начинает смеяться. — А потом он привел на зимний бал ту

девчонку-хоумскулершу* с огромными буферами и...

Рэйчел прижимает палец к ее губам.

— Думаю, она помнит.

Я опускаю голову и смотрю на свой первый подарок в почти целой упаковке.

— Да я, в общем, его и не виню. Кому нужна любовь на расстоянии в праздник? Мне лично нет.

— Но ты же вроде говорила, что у вас на елочном базаре работает парочка симпатичных ребят? — спрашивает Рэйчел.

— Ага. — Я качаю головой. — Но папа в жизни не допустит, чтобы я с кем-то из них закрутила.

— Ладно, хватит разговоров, — говорит Элизабет. — Открывай подарки.

Я тяну за ленту, но в мыслях я уже в Калифорнии. Мы с Хизер дружим с тех пор, как себя помним — в буквальном смысле. Мои дедушка и бабушка с маминой стороны были соседями ее родителей. После смерти стариков мама и папа Хизер стали брать меня к себе на пару часов, чтобы мои родители могли передохнуть. В благодарность мои мама с папой присылали им шикарную елку, несколько рождественских венков и пару рабочих — помочь повесить гирлянду на крыше.

Элизабет вздыхает.

— Подарки. Ну пожалуйста.

Я рву упаковку с одного края.

* *Хоумскулинг* — домашнее образование. Способ получения знаний на дому с ежегодной обязательной аттестацией в школе.

Девчонки, конечно же, правы. Я бы рада провести в Орегоне хотя бы одну зиму, прежде чем мы окончим школу и разъедемся кто куда. Я же давно мечтала увидеть конкурс ледяных скульптур и все те интересные вещи, о которых слышу только со слов подруг.

Но каникулы в Калифорнии — единственная возможность повидаться с моей *третьей* лучшей подругой. Раньше я звала Хизер «зимней подругой», но давно перестала. Она лучшая, и точка. Прежде мы виделись еще и летом — я по несколько недель гостила у бабушки с дедушкой, но когда те умерли, это прекратилось. Теперь я переживаю, что не смогу радоваться празднику вместе с Хизер, зная, что в следующем году уже не вернусь.

Рэйчел встает и идет через сцену.

— Принесу кофе.

— Она открывает подарки, — кричит Элизабет ей вслед.

— Пока только *твой*, — откликается Рэйчел. — Мой с красной ленточкой.

В первой рамке, завернутой в упаковку с зеленой ленточкой — селфи Элизабет. Она высунула язык влево, глаза скосила вправо, каждая вторая ее фотография выглядит именно так — за это я ее и люблю.

Прижимаю рамку к груди.

— Спасибо.

— Не за что, — краснея, отвечает Элизабет.

— Открываю твой! — кричу я за сцену.

Рэйчел медленно идет к нам, неся три бумажных стаканчика с обжигающим кофе. Мы разбираем стаканчики. Я ставлю свой рядом, Рэйчел садится напротив, и я разворачиваю

ее подарок. Я буду ужасно скучать, пусть мы и расстаемся всего на месяц.

На фото Рэйчел отворачивается и прикрывает свое милое лицо рукой, будто не хочет, чтобы ее фотографировали.

— Пыталась изобразить, что меня преследуют папарацци, — объясняет она. — Типа я знаменитая актриса, выхожу из крутого ресторана. Сзади еще должен идти шкаф-телохранитель, но...

— Но ты не актриса, — возражает Элизабет. — А художник по декорациям.

— Все это — часть моего гениального плана, — парирует Рэйчел. — Знаешь, сколько в мире актрис? Миллионы. И все они из кожи вон лезут, чтобы их заметили. Это ужасно раздражает. А вот я в один прекрасный день буду делать декорации для знаменитого продюсера. Тот посмотрит на меня и сразу поймет, что такую красоту грех прятать по другую сторону камеры. Меня нужно снимать, подумает он. И решит, что открыл мой талант — но я-то буду знать, что на самом деле *заставила* его себя открыть.

— Меня одно тревожит, — замечаю я, — ты, кажется, всерьез веришь, что так будет на самом деле.

Рэйчел прихлебывает из бумажного стаканчика:

— Потому что так все и будет.

И тут звенит первый звонок. Собрав листы серебристой оберточной бумаги, я сминаю их в шарик. Рэйчел относит его и пустые стаканчики из-под кофе в мусорное ведро за кулиса-